

Чжао Цзи направился напрямик во двор наложницы Го Чуньлань.

Та, заранее предупрежденная слугами, уже ждала его на дорожке, осторожно придерживая округлившийся, уже заметный живот.

Кивнув наложнице, Чжао Цзи вошел в покои. Едва он устроился на мягком сиденье, как служанка внесла лакированный поднос.

Чжао Цзи бросил беглый взгляд: бульон. С первого вида и не разберешь — куриный или из молодого голубка. Но золотистый навар выглядел на диво аппетитно. На поверхности колыхалась едва заметная янтарная пленочка жира — верный знак того, что суп томили на медленном огне долго и заботливо. Один только вид этого блюда пробуждал зверский аппетит. Чжао Цзи протянул руку и взял пиалу.

Следом за ним свою чашу поспешно подняла и Го Чуньлань.

Разогнав ложкой золотистую пленочку, он зачерпнул немного наваристого бульона и сделал глоток. Но едва вкус обжег рецепторы и суп скользнул в горло, Чжао Цзи едва заметно поморщился.

Ну и солончак!

Он перевел взгляд на Го Чуньлань — наложница уплетала варево за обе щеки, явно получая огромное удовольствие.

Чжао Цзи отставил пиалу в сторону.

Го Чуньлань, внимательно следившая за каждым движением императора, тут же опустила свою ложку и приложила к губам шелковый платок.

— Ваше Величество, неужто вам не по вкусу? — с тревогой спросила она.

— Отчего же суп такой соленый? — спросил Чжао Цзи.

Го Чуньлань кокетливо прикрыла рот ладонью:

— Простите великодушно, Ваше Величество. Как понесла, вкусы совсем испортились — все кажется пресным. Вот и велела поварам в своей кухоньке сыпать побольше соли, уксуса да перца. Неужто вам совсем не по вкусу?

«Жрать такую соленую дрянь, да еще будучи на сносях... О ребенке она вообще думает?»

«Все, что съедает беременная женщина, так или иначе достается плоду. И даже если не спорить о прямом вреде специй для младенца, обилие соли, жира и жгучего перца начисто разрушит пищеварение будущей матери».

Чжао Цзи заготовил сразу несколько вариантов, но этот кулинарный казус оказался идеальной зацепкой. Грех было не воспользоваться шансом и не убить двух зайцев одним выстрелом.

Изобразив неопиcуемый гнев, он велел привести кухарок из малого двора наложницы Го. Бедные женщины дрожали от страха, готовые каяться во всех грехах. Затем по его приказу во дворец спешно доставили дежурного лекаря из Императорской медицинской палаты, дабы тот популярно разъяснил и вздорной наложнице, и ее нерадивой челяди основы здорового питания для будущих матерей.

Когда лекарь в красках расписал, чем грозит чрезмерное увлечение жирным и острым, перепуганные кухарки взмолились о пощаде. Чжао Цзи, изобразив величайшее великодушие, сначала нагнал на слуг жути, а затем милостиво замаял дело.

Когда посторонние покинули покои, Чжао Цзи доверительно произнес:

— Вчера после совета Мы случайно встретили Ли Сюньхуаня. Он как раз расспрашивал служителей храма предков о свадебных приметах да запретах. Ну и Мы из любопытства перекинулись с ними парой слов. Так вот, храмовые мудрецы уверяют: коли будущая мать пребывает в мире и покое, коли ничто не тревожит ее душу, дитя родится на редкость смышленным и крепким. Так что тебе надобно не только в еде себя сдерживать, но и норы свой поумерить. Кончай капризничать по пустякам.

Го Чуньлань попыталась задобрить его лаской:

— Ну что вы, Ваше Величество, у вашей наложницы и в мыслях не было капризничать.

Чжао Цзи остался глух к девичьим ужимкам.

«Вздумала тягаться с признанным мастером! Да если Мы сами решим соорудить глазки, ты от зависти лопнешь. Нашла перед кем жеманничать!»

Император с самым непреклонным видом вынес окончательный вердикт:

— Как бы то ни было, держи себя в руках. Нам не доставляет удовольствия выслушивать жалобы других наложниц на твое высокомерие. Береги себя и дитя. Как только родишь — и неважно, мальчика или девочку, — Мы тут же пожалуем тебе титул Благородной наложницы.

Смысл сей тирады сводился к трем простым вещам. Во-первых: «Хватит капризничать и совать нос в чужие дела, сиди тихо и вынашивай плод, стань кроткой, аки лань, а не бросайся на всех,

как бешеная баба на сносях». Во-вторых: «Все кляузы на тебя строчат твои же соседки по гарему». И в-третьих: «Жди, родишь — получишь повышение и прибавку к жалованью».

Сначала он ее предостерег, затем указал на недоброжелателей, а под конец, следуя вечной тактике кнута и пряника, пообещал щедрую награду.

До первых двух пунктов Го Чуньлань дела не было — ее мысли целиком заняло обещание новой должности. На душе у нее запели птицы.

Благородная наложница! Выше только императрица да старшие жены. Да и положение ее первенца окажется куда завиднее, нежели у всех тех сорванцов, что сейчас стайками носятся по внутреннему двору.

Всего-то и нужно — просто родить дитя, и заветное повышение в кармане!

Когда перед носом осла маячит сочная морковка, он готов бежать без усталости.

Подвесив приманку, Чжао Цзи с удовольствием наблюдал, как наложница Го глуповато улыбается, ласково глядя на собственный живот.

В этот миг с ее лица исчезли и привычная капризная томность, и напускная кокетливость. Теперь она словно светилась изнутри чистым, почти святым материнским теплом.

Она уже безумно любила этого кроху, а осознание того, что нерожденный младенец принесет ей не только высочайшую милость, но и небывалый почет, лишь усиливало это чувство во сто крат.

Украдкой понаблюдав за переменой в ее лице, Чжао Цзи пришел к выводу, что в ближайшие дни наложница поумерит пыл и оставит в покое Госпожу Цуй-Дун, вдову покойного Цуй Мина. Он мысленно перевел дух.

Теперь оставалось лишь поскорее спровадить Чуньлань на боковую.

Выпроводил дежурных слуг и привычным жестом зажёл сонные благовония, Чжао Цзи погрузил Чуньлань в глубокий сон. После этого он одним бесшумным прыжком очутился перед ее туалетным столиком. Стянув туда все светильники, что нашлись в покоях, он уселся перед зеркалом и принялся за макияж.

Для начала следовало решить проблему с шеей — мужской кадык выдавал его с потрохами.

Он подошел к сундукам наложницы, чье содержимое успел изучить вдоль и поперек за прошлые визиты, и выудил оттуда простое повседневное платье легкого покроя.

Пусть мужчины и женщины сложены по-разному, Чжао Цзи обладал хрупким, гибким телосложением подростка. К тому же женские платья эпохи Сун шились с длинными, летящими рукавами, призванными подчеркнуть неземное изящество владелицы. И хотя рукава на нем оказались коротковаты, смотрелось это на удивление сносно.

Единственным изъяном осталась длина юбки: подол едва доходил ему до колен.

Благородным сунским дамам не пристало оголять лодыжки.

К счастью, Чжао Цзи догадался пододеть под низ белые штаны, так что наряд выглядел вполне пристойно.

Покончив с одеждой, он взялся за лицо.

Жалобно вздохнув при тусклом свете свечей, Чжао Цзи занес бритву над собственными бровями.

Мужские брови — густые, широкие; женские же должны быть тонкими, изящными дугами.

Годы упорных тренировок и владение боевыми искусствами сослужили ему хорошую службу — рука не дрогнула. Собрав в кулак всю волю и заставив мышцы повиноваться, он, стиснув зубы, принялся аккуратно сбривать лишние волосы.

Лишив себя доброй половины бровей, Чжао Цзи принялся нещадно пудрить лицо.

Когда естественный оттенок кожи скрылся под плотным слоем белил, Чжао Цзи вооружился темным сурьмяным карандашом для бровей и принялся густо обводить веки, силясь визуально изменить разрез глаз.

Следом за этим он наложил густые тени по бокам переносицы, чтобы сузить нос.

К тому моменту, как он закончил свои ухищрения, от огарков свечей почти ничего не осталось.

Воспользовавшись мастерством легкого шага — плодом недавних изнурительных тренировок, — Чжао Цзи бесшумно взмыл к потолочной балке, скользнул в окно и припустил по уже знакомому маршруту наружу.

Вторая вылазка в город далась ему куда легче первой. Оказавшись на свободе, он напрямик направился в восточную часть столицы.

Трактир «Юэлай» стоял на оживленном месте.

Сумерки лишь недавно сгустились над городом, когда Чжао Цзи постучал в двери заведения. Отворявший засов слуга зевал во весь рот, но стоило ему разглядеть гостя, как сон с него мгновенно сдуло. Сонливость сменилась диким недоумением.

— Госпожа... воительница, — заикаясь, выдавил он, во все глаза уставившись на Чжао Цзи. — Желаете остановиться у нас?

То, что бедный парень не испустил дух на месте от ужаса, объяснялось исключительно красивыми чертами лица Чжао Цзи, которые не сумел изгадить даже его неумелый грим. Ныне император щеголял дичайшей боевой раскраской в стиле готов из провинциального ДК: мертвенно-бледная кожа, глаза, густо обведенные угольно-черной каймой, и ярко-алые губы, словно он только что лакомился сырой плотью. А густые тени по бокам переносицы, освещенные красным светом ночных уличных фонарей, создавали на лице причудливый рельеф, похожий на горные хребты.

И все же, безупречные от природы черты лица совершили чудо. Сквозь этот кошмарный грим по-прежнему угадывался изящный контур подбородка и благородный разрез глаз. Каким-то непостижимым образом он ухитрился не растерять своего очарования и даже в таком виде не выглядел уродом.

<http://bllate.org/book/18987/1950789>